

Русские разговорные обращения: к динамике узуса¹

Вообще, обращения достаточно хорошо исследованы в лингвистике. Из последних работ, посвященных этой проблематике, нужно назвать в первую очередь статьи Т.Е. Янко. В них, в частности, обращается внимание на высокую идиоматичность русских обращений. Так, показано, что слова с близкой семантикой часто имеют различный вокативный потенциал. Например, *водитель* – хорошее обращение, а *шофер* – нет. Ср. также *доктор* и *врач* (аналогичные наблюдения были сделаны ранее относительно английских слов *doctor* и *physician* [Schegloff 1968; 1972; Zwicky 1974]. К гостям можно обратиться со словами *Дорогие гости!*, но не [?]*Гости!* Ср. также *Дорогие студенты!*, но не [?]*Студенты!* или *Дорогие радиослушатели!*, *Уважаемые пассажиры!*, но не [?]*Радиослушатели!*, [?]*Пассажиры!* При этом добавление определений *дорогие* или *уважаемые* вовсе не всегда делает «плохое» обращение «хорошим»; ср. *Господа!* vs. [?]*Дорогие господа!*

Другой пример. Выбирая вежливую форму обращения к незнакомцу, мы часто говорим *Молодой человек!* (даже если он совсем и не так молод). А семантически как бы более подходящее, нейтральное с возрастной точки зрения, обращение *Мужчина!* совершенно невозможно в речи образованного носителя русского языка и воспринимается как откровенное хамство. При этом, казалось бы, абсолютно корректное обращение *господин* также редко оказывается уместным. Ср. [?]*Господин! Не подскажете ли, где тут метро?*

В работах [Янко 2009; 2010] указывается на то, что именные группы имеют закрепленный в языке культурно и исторически сложившийся вокативный потенциал. Способность именной группы использоваться в

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (гранты 11-04-00105а, 12-04-12041, 12-04-12054 и 12-34-10413) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика».

качестве вокатива – это по большей части ее словарное свойство, что не исключает выделения неких тенденций, общих для той или иной группы обращений.

Многие обращения маркированы, то есть по использованию обращений мы как носители языка можем легко определить не только эпоху и некие культурные доминанты, но и социальную принадлежность говорящего, его возраст, уровень образования. Это объясняется тем, что культурные факторы, влияющие на выбор обращения, дифференцированы и изменчивы [Кронгауз 2007: 117-120]. При выборе обращения носители языка учитывают целый ряд параметров. Однако эти параметры, как и семантико-прагматические свойства конкретных обращений плохо описаны. Тем самым, эта важная прагматическая и культурная информация оказывается практически недоступной для людей, изучающих русский язык как иностранный.

В некоторых работах встречаются лишь отдельные указания на вокативный потенциал соответствующих слов. Ср., например, вокативы *старушка* и *старуха*. Традиционно толковые словари определяют *старушку* и *старуху* как женщину, достигшую старости. Однако в разговорной речи встречается употребление данных слов в качестве обращения к молодым женщинам. Ср. (1) и (2).

(1) – Привет, *старуха*, – сказал он по правилам московского жаргона, который еще так недавно восхищал пионерку гуманитарной помощи, а сейчас вызвал лишь легкую тошноту.
[В. Аксенов. Негатив положительного героя (1996)]

(2) – Ну, здравствуй, *старушка-сестра*. Инка, улыбаясь, переживала шуточные объятия брата <...>. [Улья Нова. Инка (2004)]

Ср. также обращения *девочки/девчонки* и *мальчики*. Причем по данным исследования [Осьмак в печати], слова *девочки/девчонки* (в том числе и в вокативной функции) характерно преимущественно для женской

речи, а также для речи определенных возрастных групп мужчин (до 25 и после 60 лет), а *мальчики* – только для женской речи.

В данной работе (как это очевидно из ее названия) меня интересует динамика узуса разговорных обращений, то есть те изменения, которые произошли в этой области за последние десятилетия и продолжают происходить на наших глазах. Среди подобных обращений значительное место занимают родственные номинации в вокативной функции – такие, как *мамаша, папаша, тетка, брат, браток, сестренка*.

В ряде предыдущих публикаций (ср. [Добровольский 2011; в печати]) я уже высказывал мысль, что в использовании таких обращений наблюдается определенная динамика, что они достаточно жестко привязаны к своему времени. Обращения, образованные по принципу «родственная номинация → обращение к неродственнику», использовались и в XIX веке, однако сами слова, использовавшиеся в этой функции, были другими. Ср. широко представленные в русской классической литературе обращения *батюшка, матушка, отец мой, мать моя*, характерный для произведений А.П. Чехова вокатив *батенька*, уникальное использование обращения *маточка* [Ф.М. Достоевский. Бедные люди] или весьма экзотичный для современного читателя адресуемый мужчине вокатив *мамочка*, встречающийся, например, у Н.В. Гоголя и А.П. Чехова. Встречаются и другие редкие «родственные вокативы».

- (3) То-то, *батько мой*, – отвечала она; – не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами. [А.С. Пушкин. Капитанская дочка]
- (4) Я, *брат старуха*, понимаю, как с господами надо. [А.П. Чехов. Горе]

Дальнейшее изучение этой области показало, что динамика узуса здесь достаточно тонкая и не может быть сведена к простому противопоставлению «XIX век vs. современность». Так, обращение *браток*

появилось, судя по данным НКРЯ, ближе к началу XX века. Первый пример в корпусе – это контекст (5).

- (5) Ну, чего? Ты... лечись! От пьянства нынче лечат, слышь!
Бесплатно, *браток*, лечат... такая уж лечебница устроена для
пьяниц... чтобы, значит, даром их лечить... [Максим Горький. На
дне (1902)]

Хотя в НКРЯ встречается достаточное количество современного употребления этого обращения, наиболее естественно оно воспринимается в текстах, ассоциирующихся с бытом середины XX столетия; ср, например, (6).

- (6) Тут он впервые понимает, что в известной мере живет в этой
квартире: зачастил, *браток* <...>. [В. Маканин. Отдушина (1977)]

Возможно, причина того, что вокатив *браток* реже употребляется сегодня в повседневном общении (по крайней мере по впечатлениям моего коммуникативного опыта), кроется в том, что форма множественного числа *братки* приобрела в 90-е годы значение ‘бандиты’, и это препятствуют свободному употреблению слова *браток* в качестве обращения к незнакомому человеку.

Казалось бы, семантически близкое слово *брат* обладает совершенно иным вокативным потенциалом. Оно встречается в качестве обращения как в русской классической литературе, так и в современной грубовато-фамильярной речи. Однако вокатив *брат* изменил свои просодические характеристики и социальную окраску. В контекстах (7) и (8) речь идет, по сути, о двух разных словах.

- (7) **а.** – Да, *брат*, Бог знает, когда мы отсюда уедем!
[М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени]; **б.** – А я, *брат*,
продолжаю не постигать, – задумчиво заметил генерал <...>.
[Ф.М. Достоевский. Идиот]; **в.** – Ну, *брат*, вас не обидишь; вы бы
не обидели. [Л.Н. Толстой. Воскресение]

- (8) **а.** –Эй, *брат*, где здесь автосервис? [речевое общение]; **б.** А одной из девушек надо было на электричку. <...> Поехал с ней в метро до Ярославского вокзала. А она стройная, на каблуках, и платье у нее с вырезом квадратным на спине. Все смотрят! Ну, я ничего, проводил, посадил на электричку. *Брат*, какая была девушка! [Большой город, 15 (304), 05.09.2012]

В контекстах (7) *брат* употребляется как энклитика, то есть в безударно-слабой позиции, в то время как в (8) это интонационно выделенное обращение, несущее самостоятельное фразовое ударение (на эти просодические различия мое внимание обратила И.Б. Левонтина).

С точки зрения динамики узуса интересен также вокатив *тётка*. Это обращение, описанное В. Печуриной [2010] на основе НКРЯ, также встречается как в текстах XIX века, так и в современном дискурсе. Его социальная маркированность, естественно, несколько изменилась. Если в XIX веке вокатив *тётка* использовался исключительно в адрес незнатной женщины (как «сверху вниз», так и «на равных»), то в XX веке социальные различия отступили на задний план, а обращение стало восприниматься как грубовато-просторечное; ср (9) и (10).

- (9) **а.** – Эй, *тётка!* – сказал есаул старухе, – поговори сыну, авось тебя послушает... [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени]; **б.** – Что ты, *тётка*, оставила ушат на дороге? [И.А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин]; **в.** – Эй, *тётки*, – крикнула она, – за вами, кажись, на окне посудинка стоит... [Д.В. Григорович. Бобыль]
- (10) – Отпирай, *тётка!*.. Глухая, что ли? – Это твоя тётка глухая, видать, – огрызнулась Нюра, – а я слышу. Проваливай, пьяные твои глаза! [С.Д. Мстиславский. Грач – птица весенняя (1937)]

Обращение *тётка*, конечно же, и сегодня социально маркировано. Но если раньше его социальная характеристика заключалась в указании на «неблагородное» происхождение адресата, то в современном

употреблении это обращение характеризует прежде всего социальное лицо (или социальную маску) говорящего. Употребляя по отношению к взрослой женщине вокатив *тётка*, говорящий вольно или невольно маркирует себя как представителя социальных низов и навязывает адресату «базарный» тон общения. Именно поэтому использование данного обращения часто вызывает протест адресата; ср. (10).

Вроде бы похожее по внутренней форме обращение *тетенька* (и симметричное *дяденька*) ведет себя совсем иначе. Обычно указывается, что вокативы *дяденька* и *тетенька* употребляются в речи детей. Это в основном так, но далеко не всё, что нужно знать о характере этих вокативов. *Дяденька* и *тетенька* – социально маркированные обращения. Их практически невозможно представить себе в устах ребенка из интеллигентной семьи. Как правило, эти обращения употребляют дети из необразованных слоев или дети, оценивающие своих взрослых собеседников как относящихся к соответствующему социальному слою. На просторечный характер этих вокативов (как и многих других обращений, образованных от терминов родства, с уменьшительно-ласкательными суффиксами) указывает Т.Е. Янко [2010]. Обращения *дяденька* и *тетенька* характеризуются специфичной интенцией: это и попрошайничество, и плаксивость, и «давление на жалость» (см. об этом также доклад Н.Г. Брагиной на той же конференции). Понятно, что эксплуатирование этих признаков может быть и сознательным манипулятивным приемом. Приведем несколько примеров.

- (11) **а.** Сметливые беспризорники быстро поняли выгоду, и у них появилась новая мода. – Подай, *тетенька*, сиротке сифилитику! А то, смотри, укушу: я припадочный, – с ясными глазами тянули оборвыши лет десяти, и тетеньки, как правило, подавали. [И. Ратушинская. Одесситы]; **б.** – А-ашибаешься, мальчик, просто стою себе, попрошайничаю. Существо то ли засмеялось, то ли

закашлялось. – Брешешь, *тетенька*, ты из этих, переодетых. Павлуху не обмануть. [Д. Донцова. Уха из золотой рыбки]; **в.** Не в силах выбрать, куда ткнуться, Мария пометалась вдоль вагонов взад-вперед, теряя время. Паровоз, дразня ее, уже посвистывал, подергивал сцеплениями, и проводница третьего вагона вдруг показалась ей рыхлее и податливее других. Да оказалась твердой. На просьбу: «*Тетенька*, пусти», не разжимая губ ответила: – Билет. [А. Дмитриев. Дорога обратно]

- (12) **а.** Респектабельный гражданин жует на улице бублик с поджаристой золотистой корочкой. «*Дяденька*, дай бублик», – подбегает к нему бедный мальчик. [Т. Нетреба. Правительственный пасьянс]; **б.** Девчонка плакала и показывала рукой на дом: «*Дяденька*, миленький... Спасите мою сестренку...» [Грехи наши тяжкие // «Криминальная хроника»]; **в.** – *Дяденька*, дай автомат подержать. – Пошел отсюда! – А закурить? – Я кому сказал! [А. Геласимов. Степные боги]

Когда эти обращения встречается в речи взрослых, их прагматическая специфика карикатурно усиливается. Ср. контекст (13), в котором выбор обращения тематизируется, что влечет за собой профилирование его прагматического потенциала.

- (13) Веня начал безумно жестикулировать. Он явно еще не решил, кого ему изображать: плаксивого юного идиота, и давить на «*тетенька*, пожалуйста!», или серьезного молодого парня, у которого проблемы с законом: «Помогите, женщина! Со всяким может случиться!» В итоге две эти личины бессистемно менялись на лице у Вени, не вызывая у стоящей за окном женщины никакого доверия. [З. Прилепин. Санька]

Удивительно, что словари не показывают ни социальную маркированность этих обращений, ни их иллокутивную силу. В [МАС] и

[БТС] вокативы *дяденька* и *тетенька* как таковые не описаны, а значения соответствующих существительных указываются путем отсылки к словарным статьям ТЕТЯ (с комментарием «в речи детей: незнакомая женщина») и ДЯДЯ 2: «взрослый мужчина (обычно по отношению к ребенку)». Несколько лучше обращение *тетенька* представлено в словаре [Балакай 2007], где оно маркировано как детское просторечное, но ничего не сказано о его социальных и иллокутивных характеристиках.

Как и в случае с другими обсуждавшимися здесь вокативами, обращения *дяденька* и *тетенька* обнаруживают определенную динамику. Хотя современные контексты употребления этих обращений представлены в НКРЯ, среди них явно доминируют игровые и стилизованные примеры типа (11а, б), (12а) или (13). «Серьезные» употребления характерны скорее для периода Гражданской или Второй мировой войны и ассоциируются, например, с описанием быта беспризорников. С точки зрения сегодняшнего реального речевого общения детей со взрослыми (по крайней мере в узусе больших городов) вокативы *дяденька* и *тетенька* следует, видимо, охарактеризовать как уходящие или как перешедшие в разряд игры с социальными масками.

Зависимость осмысления характера обращения от ситуативного контекста (и, соответственно, невозможность его простого и краткого описания) хорошо прослеживается на примере вокатива *мамаша*. Употребленное просто по отношению к незнакомым людям он (как и симметричное обращение *папаша*) характеризует говорящего как носителя вульгарного просторечья и часто вызывает протест адресата; ср. пример (14).

(14) – Как нет отечественного? Как не солнышко? Тогда норвежский, *мамаша*. – Я вам не мамаша. Тридцать семь тысяч, отдел готовых форм. Пробивайте. [Дуня Смирнова. Рыбий жир]

Однако употребление обращения *мамаши* с косвенной референцией на ребенка не нарушает никаких социальных норм. Ср., например, контексты врачебного дискурса, в которых фокусируется родительская функция «мамаши».

- (15) **а.** – Прости, мальчик, я тебя ушибла? Но мальчик ничего не ответил ей. Софья Осиповна сказала в темноту: – *Мамаши*, может быть, вы подвинете своего немого молодого человека? Я ведь не могу стоять всё время на ногах. [В. Гроссман. Жизнь и судьба]; **б.** Я заплакал. Страх перед оформлением неведомых документов оказался сильнее страха перед врачом и бормашиной. Сложившись вместе, оба этих страха вызвали теплую волну слез, она шла из горла, с равномерными истошными всхлипами. – Ну вы уж совсем, *мамаши*, – недовольно сказала врачиха. – Так тоже нельзя. [Б. Минаев. Детство Левы]

Р.И. Розина обратила мое внимание на то, что в детских медицинских учреждениях принято также обращение *мама*, а к матерям новорожденных иногда обращаются как к *мамочкам*; ср. контексты (16) из русскоязычного Интернета.

- (16) **а.** <...> и говорит: «*Мама*, вы в группе риска по дисплазии, хотя на вид все у вас в порядке»; **б.** Весь персонал в патологии и послеродовом отделении очень внимателен. И днем и ночью отвечали на любой вопрос, не отказывали в помощи. Детские врачи, как родители наблюдали за малышами. *Мамочки!* Рожайте в 11 роддоме, не пожалеете.

Интересный с точки зрения обсуждаемых вопросов пример приводится в [Левонтина 2010: 263].

- (17) Одна знакомая рассказала мне такую историю. Она позвонила в английскую школу, чтобы справиться насчет содеседования, и начала так: «Мне одна *мамаши* сказала...» На это завуч резко

ответила: «У нас здесь таких слов не употребляют» – и не стала продолжать разговор. «Ну почему? – жаловалась знакомая. – Ведь так всегда говорят в поликлинике, в детском саду. А как сказать? *Одна мать? Одна знакомая, у которой тоже есть ребенок?*» В общем, девочка учится в другой школе, не английской.

Здесь слово *мамаша* употребляется не в вокативной функции. Тем не менее, это пример показателен в том смысле, что при употреблении слова *мамаша* и в контекстах 3-го лица сохраняется потенциальная двойственность его интерпретации. В (17) мы наблюдаем конфликт двух разных интерпретаций номинации *мамаша*: говорящий имел в виду допустимый способ употребления этого слова – эксплицитно отсылающую к ребенку номинацию женщины, имя которой называть в данной ситуации было бы неуместно. При всей своей «неэлегантности» обозначение *мамаша* оказывается чуть ли не единственным способом именованья. Действительно, *одна мамаша* звучит в такой ситуации более естественно, чем *одна мать* и тем более *одна знакомая, у которой тоже есть ребенок*. Собеседница – завуч этой английской школы – то ли в силу недостаточной языковой компетентности, то ли из-за предрасположенности к конфликтному стилю общения, проинтерпретировала номинацию *мамаша* как «вульгарную».

В заключение отметим, что изучение подобных обращений интересно не только с социолингвистической точки зрения, но и в аспекте динамики узуса. Временная, социальная и возрастная отмеченность разговорных обращений еще недостаточно изучена и практически не фиксируется словарями.

Представляется, что при словарном описании вокативов должны фиксироваться по крайней мере следующие признаки:

1. Служит ли данное обращение способом вступления в коммуникацию или же адресовано человеку, с которым говорящий уже находится в процессе общения?
2. Адресовано обращение к знакомому или же совершенно незнакомому человеку (например, прохожему на улице)?
3. Сочетается тот или иной вокатив с ТЫ или с ВЫ?
4. Как образуется множественное число от данного вокатива? Ср. *брат – братья* (узус XIX века) vs. современное *брат – братцы, братаны* и пр. «суррогатные» формы, заменяющие устаревшую в вокативной функции форму мн.ч. *братья* (на этот параметр мое внимание обратила Г.И. Кустова).
5. Социальное лицо (или маска) говорящего, его оценка социальной принадлежности адресата. Ср. употребляемые рыночными торговками (в зависимости от внешнего вида адресата) обращения *дама* или *женщина*.
6. Интенции говорящего: так, говорящий может «давить на жалость» (*тетенька*), хамить (*тётка*), выражать свою (неуклюжую) симпатию (*брат*) и т.д.
7. Поколение говорящего.
8. Соотношение возраста говорящего и адресата (кто старше, кто младше).
9. Какие обращения требуют дополнительных «вокативирующих» средств, а какие – нет? Например, *Эй, тётка!* звучит как обращение более естественно, чем просто *Тётка!*
10. Просодические характеристики, в частности фразовое ударение.
11. Стандартная позиция обращения в высказывании: начало, середина, конец. Существуют обращения, которые явно тяготеют к определенной позиции, что также связано с просодией.

Литература

- Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета. М., 2007.
- БТС* – Большой толковый словарь русского языка. Ред. С.А. Кузнецов. Санкт Петербург, 2005.
- Добровольский Д.О.* Русские обращения в английских и немецких переводах // Translation, Sprachvariation, Mehrsprachigkeit. Festschrift für Lew Zybatow zum 60. Geburtstag. Frankfurt am Main etc., 2011. S. 295-308.
- Добровольский Д.О.* Родственные номинации в вокативной функции и культура речи. М., в печати.
- Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007.
- Левонтина И.Б.* Русский со словарем. М., 2010.
- МАС* – «Малый академический словарь» = Словарь русского языка в четырех томах. 3-е, стереотип. изд. М., 1985–1988.
- Осьмак Н.А.* Новые значения старых слов (корпусное исследование на материале повседневной русской речи). М., в печати.
- Печурина В.* Тётка / http://studiorum.ruscorpora.ru/index.php?option=com_docman&Itemid=11 1. 2010.
- Янко Т.Е.* Вокативные стратегии русской речи // Речевая коммуникация в современной России: материалы I Международной конференции (Омск, 27-29 апреля 2009). Омск, 2009. С. 425-432.
- Янко Т.Е.* Разрешите обратиться! // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2007 и 2008. М., 2010. С. 345-354.
- Schegloff E.A.* Sequencing in Conversational Openings // American Anthropologist, 1968, 70/6. P. 1075-1095.
- Schegloff E.A.* Notes on a Conversational Practice: Formulating Place // Studies in Social Interaction. New York, 1972. P. 75-119.

Zwicky A. Hey, Whatsyourname! // Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago, 1974. P. 787-801.